

Сбежав из Пятой лаборатории, 35-й взвод по тоннелю длиной километров двадцать добрался до выхода на поверхность.

Такеру осторожно выглянул за дверь и осмотрелся. Тишина вокруг стояла жуткая, однако вдалеке слышались выстрелы вперемешку с воплями. Людей поблизости не было.

— Вроде чисто... — Парень закрыл дверь и обвел взглядом товарищей.

Ока с Икаругой по-прежнему спали. Все были ранены и с ног до головы перепачканы грязью и песком. На лицах Мари и Усаги читалось напряжение — они явно беспокоились о том, что ждет их дальше.

— Видели бы вы себя, — усмехнулся Такеру, хоть в их положении и было не до смеха.

Мари с Усаги не удержались и усмехнулись в ответ. Канария выглядела все такой же недовольной, однако честно тащила Икаругу на спине.

Следом юноша повернулся к председателю ученического совета Нагарэ Хосидзиро. Та кивнула и изложила дальнейший план:

— Теперь нам нужно на базу оппозиции. Она на северо-востоке острова, туда и направимся.

— На северо-востоке... Далековато. Доберемся ли? — взволнованно поинтересовалась Мари.

— Д-д-да не п-п-переживай! — отозвалась Нагарэ со своей обычной улыбкой, которая совершенно не сочеталась с дрожащим голосом.

— Эй! — в унисон воскликнули остальные.

— Да шучу я, шучу. Тут неподалеку для нас есть машина. На магистрали полно постов, пунктов автооплаты и камер, но объездные пути я знаю, так что не забивайте этим голову и расслабьтесь.

— Как ты можешь вести себя так спокойно? — спросила Усаги.

Нагарэ приоткрыла глаза, уперла руку в бок и хитро улыбнулась:

— Мы ж все равно ничего поделать не можем. Наслаждайтесь. Мы же убегаем от преследователей. Разве это не увлекательно? Считайте это школьной экскурсией.

Своим бесстрашием без намека на напряженность девушка напомнила Такеру одного

беловолосого мужчину с кошачьей улыбкой.

Не то чтобы он не доверял Нагарэ, просто не умел общаться с людьми такого рода.

— Кусанаги-кун, — неожиданно обратилась к нему председатель, взявшись за дверную ручку. Свет из приоткрытой двери подсветил ее со спины.

Нагарэ протянула Такеру руку.

Стоило юноше взглянуть на девушку, как он тут же выбросил плохие мысли из головы.

Нагарэ с тем мужчиной совершенно не похожи. Потому что ее выражение лица в этот момент успокоило Такеру.

— Ты сдержал обещание, и теперь я тебе обязана. Идем. Мы начинаем ответную атаку.

Потому что она не видела в других лишь пешек, потому что ей не чужды человеческие чувства.

Такеру без колебаний взял девушку за руку.

Однако шесть часов спустя...

— Хм-м-м... — задумчиво протянула Нагарэ Хосидзиро, вглядываясь в карту.

Их автомобиль стоял на обочине, мимо проносился бесконечный поток машин. Нагарэ уже около получаса сидела в одной позе, вцепившись в руль, и размышляла. Такеру обеспокоенно наблюдал за ней с соседнего сиденья и нервно сглотнул, когда та вдруг сложила карту.

— Прости, я заблудилась! — с довольной ухмылкой заявила девушка.

— Ах ты-ы-ы!.. — взвыл Такеру.

Нагарэ засмеялась и свела руки в примирительном жесте, извиняясь перед ним и взводом мелких сошек позади.

— П-просто, смотри, навигатор или телефон ведь не включить — засекут... А я ребенок современный, в бумажных картах ничего не соображаю.

— Ты же клялась, что научилась на тренировках! — взвился парень.

— Сам тогда следи. Это твоя работа, раз на пассажирское сиденье уселся, — надулась девушка.

— Я кроме фехтования ни в чем не разбираюсь, говорил же! И вообще, это ты сказала сюда сесть!

— А-ха-ха, не сердись ты так, не сердись.

— Как же ты бесишь! — Такеру стиснул кулаки, изо всех сил сдерживая рвущееся на волю раздражение.

«Не сладить мне с такими людьми», — мелькнула у него мысль.

Для побега Нагарэ, как оказалось, подготовила восьмиместный универсал. Она же заняла водительское место. Такеру сел на переднее пассажирское место, Ока с Мари расположились на сиденьях посередине, а Канария, Усаги и Икаруга сели позади.

Ребятам пришлось переодеться в обычную одежду. Они находились в розыске и не могли расхаживать в форме Академии Магии или Антимании.

Такеру надел пуховик и джинсы, Ока сменила привычную форму на свитер с высоким воротом, юбку и ботинки. Мари надела дафлкот со шляпкой и шарфом другого цвета, Усаги — белое пальто с плиссированным подолом и юбку. Канария переоделась в спортивный костюм, который не стеснял движений, а длинные уши скрыла утепленными наушниками. Икаруга надела черный тренчкот и черные джинсы.

Нагарэ же нацепила кожаную жилетку, рваные джинсы и большие солнцезащитные очки. Конечный наряд получился не только неподходящим ей по стилю, но и крайне подозрительным.

Заметив скептический взгляд Такеру, Нагарэ приподняла очки и уверенно заявила:

— Солнцезащитные очки при маскировке обязательны.

— Они так не в тему, что будто для прикола надеты.

— Что-о-о?! — пораженно воскликнула девушка.

— Э-э... Глава, давай лучше я поведу? — наклонилась к ним Ока.

Она выглядела заметно свежее после сна и — видимо, ощутив беспокойную атмосферу на передних сиденьях, — решила вмешаться. Обычно собранная девушка сейчас казалась слегка рассеянной. Впрочем, то было естественно, она ведь совсем недавно добилась своей цели, свершила месть.

— Ну уж нет, Ока-тян. Читать порножурналы и водить машину можно только совершеннолетним.

— Если что, права у меня есть.

— Не-ет, ты устала, тебе надо отдохнуть. К тому же подросток за рулем вызовет подозрения.

«Ты тут младше всех выглядишь, так что не аргумент», — подумал Такеру. С первым заявлением он, впрочем, был согласен.

— Не перенапрягайся. Спина еще болит? Рана от духовного серебра, может, и исцелилась, но болеть будет еще долго.

— Это... терпимо. Когда облик вампира рассеялся, рана перестала так болеть. Влад меня подлатал, так что я в порядке. Я уже вполне отдохнула, дальнейший отдых даст только обратный эффект. За рулем я хоть отвлекусь от всего этого, — сказала Ока, поправляя растрепанные после сна волосы.

Очень редко можно было увидеть вот такую заспанную Оку. Движение, которым она поправляла волосы, отчего-то показалось Такеру эротичным.

— Что такое?

— Н-нет, ничего... — Он отвел взгляд.

«Всё вместе... Не половину. Я хочу делить с тобой всё».

После событий в подземелье эта просьба почему-то странно будоражила юношу.

Он попытался выбросить похотливые мысли из головы, как вдруг ему в живот врезался локоть. Удар был несильный, но Такеру все равно испустил короткий стон.

Мечник опустил взгляд на закутанную в черную ткань девочку, которая сидела у него на

коленях с тех пор, как они сели в машину.

— Извини. Я нечаянно, — негромко извинилась девочка... Ляпис.

На коленях у Такеру она сидела потому, что сюда ее попросила сесть Нагарэ.

Ляпис была с ног до головы закутана в черную робу, ткань которой препятствовала распространению магической силы, — мера предосторожности, чтобы их не обнаружили инквизиторы. После пробуждения облика охотника на богов Инквизиция потеряла контроль над Ляпис, однако данные о ее магической силе у организации остались, так что их вполне могли отследить.

По той же причине Влад сейчас лежал в контейнере для магических наследий. Его пришлось полностью запечатать, поскольку он, в отличие от Ляпис, по-прежнему находился под контролем Согэцу.

По словам Нагарэ, существовал способ разорвать эту связь. Ребята не знали, действительно ли такое возможно, так что им оставалось только поверить на слово.

— Ты чего? Больно же...

— Прошу прощения. Ошибка в поведении. Причина этого действия мне неизвестна, — отрубилa девочка и отвернулась к окну.

Ляпис начала вести себя странно после возвращения из Академии Магии. На вопросы она всегда отвечала одинаково: «ошибка в поведении». Если подумать, во время разговора с Окой в подzemелье от девочки исходило какое-то странное недовольство...

«Она что, ревнует?» — подумал Такеру, но тут же отбросил эту мысль. Ведь Ляпис сама говорила, что хочет монополизировать его как магическое наследие, а к его отношениям с людьми безразлична.

— Ну же, не сердись. Я ведь не пойму, пока не скажешь. — Парень с натянутой улыбкой принялся елозить подбородком по макушке девочки.

— Я ведь сказала, что не знаю. Перестань водить подбородком по моей голове.

Такеру заглянул ей в лицо и увидел, что Ляпис недовольно надула щеки, оставаясь при этом бесстрастной. Юноша решил забрать свои предыдущие слова назад. Она все-таки сердилась.

Когда мечник в очередной раз натянуто улыбнулся, с заднего ряда послышался стон.

— У-у-у... У-у-у... — Это оказалась Мари. Она прижалась к спинке сиденья парня и ревниво посмотрела на Такеру, Оку и Ляпис. — Почему ваши отношения развиваются, пока я не вижу?! Почему я всегда отстаю?! Где мой флаг, а?! Ну почему, почему?! Почему ты не поднял мой флаг, Такеру?!

— Гхе! Зачем ты меня душишь-то?!

— Я ведь обещала все потом выведать! Давайте, рассказывайте!

— Да о чем ты вообще, сейчас не вре... Пусти, пусти! Спасите, задыхаюсь!

Такеру, которого Мари ухватила за шею и теперь трясла со всех сил, побледнел. Ляпис по-прежнему не отрывала взгляда от окна, Ока же рассеянно смотрела за его мучениями.

В автомобиле царил полный хаос, хоть на последнем ряду и стояла жуткая тишина.

— Кусанаги-кун такой популярный. Я тоже романтики хочу! Давайте соревноваться! — влезла Нагарэ.

— Замолчи уже... и заводи... машину! — отверг предложение Такеру.

В итоге за руль села Ока, и уже через десять минут они продолжили путь.

Прошел еще час. Благодаря Оке они наконец двинулись к цели.

Однако на последнем ряду, где сидели Канария, Усаги и Икаруга, уже минут тридцать стояла полная тишина.

Канария всю дорогу с недовольным видом смотрела в окно, прижавшись лбом к стеклу. Икаруга же вела себя как обычно, иногда посматривала на Канарию, но заговорить не пыталась.

— У-у...

А тяжелее всего в этой ситуации приходилось, вне всяких сомнений, Усаги. Ей было неловко. Слишком неловко. Она знала, какая история связывает этих двоих, и потому не могла начать разговор.

Икаруга проснулась, как только они вышли из тоннеля.

— Какой знакомый запах... — прошептала она сразу после пробуждения, уткнувшись в волосы Канарии.

Эльфийка от неожиданности разжала руки, и Икаруга тут же рухнула на землю и подняла на нее рассеянный взгляд.

Канария, вскинув плечи, хотела что-то крикнуть, но не смогла: Икаруга резко поднялась и прижала ладони к ее щекам.

— ...

Усаги впервые увидела такое выражение на лице подруги.

Она словно нашла нечто давно потерянное... словно вновь обрела некогда забытые чувства.

По щекам Икаруги медленно покатались слезы. А затем она крепко обняла Канарию, явно не собираясь больше с ней разлучаться. Она не произнесла ни слова. Просто прижала эльфийку к себе.

Разумеется, Канария ее тут же оттолкнула и с тех пор даже ни разу не взглянула.

«Ч-ч-что делать-то?! — Быть посредником в отношениях матери и дочери для Усаги было слишком тяжелой ношей. — Зачем нас вообще так рассадили?! Зачем меня посадили между ними?! Я серьезно обиделась на главу! Я не настолько мягкая, чтобы смягчить отношения этих двоих! Надо предложить кому-нибудь поменяться местами. Пусть сюда лучше сядет Отори, она все равно атмосферу читать не умеет. Со мной тут только обратный эффект! — На глазах Усаги навернулись слезы, когда она заметила, что Ока сидит уже на водительском сиденье. Девушка перевела взгляд на Такеру, чтобы попросить у него о помощи... и увидела Ляпис у него на коленях. Ее тут же захлестнуло негодование. — У-у-у-у-у! Я тоже туда хочу! Я тоже хочу сидеть у Кусанаги на коленях! Почему всегда она?! И почему Кусанаги так спокойно усадил ее к себе?! Ну почему не меня-а-а?! А теперь еще и флиртует прямо у меня под носом! Вот же бабник! Меня ведь обнимать было бы куда приятнее, чем какую-то костлявую девчонку...»

— Канария.

Когда Икаруга заговорила, все ревнивые мысли Усаги застыли, точно вода.

— Нам о стольком нужно поговорить... Прости, не могу нормально выразить, — сдержанно, даже немного холодно произнесла Икаруга.

— Не о чем нам говорить. Молчи, — отрезала Канария, не отводя взгляда от окна.

— Так не пойдет. Я столько сделала, чтобы...

— Нам не следовало встречаться.

— ...Зачем ты тогда пришла с Кусанаги?

— Замолчи, не твое дело.

— Мое. Я же твоя... — Икаруга закрыла глаза и задумалась, подбирая наиболее уместное слово.

Однако не успела она продолжить, как волосы Канарии вздыбились, и эльфийка звучно воскликнула:

— Не веди себя как моя мать!

Тяжесть ее слов оказалась настолько велика, что разговор тут же и закончился.

На заднем сиденье вновь воцарилась тишина.

Усаги передернула плечами от напряжения, посмотрела на Канарию, затем на Икаругу.

Та прищурилась, негромко вздохнула и тоже перевела взгляд за окно. Ее обычное апатичное выражение ни капли не изменилось.

Усаги не понимала, что испытывает сейчас подруга, ведь ей не приходилось становиться матерью. Вряд ли бы вообще кто-то понял чувства Икаруги, которая стала мамой в таком раннем возрасте.

«Хоть немного забеспокоилась или растерялась бы, — подумала Усаги. Мгновением позже она заметила, что рука Икаруги едва заметно дрожит.

«...»

Усаги знала Икаругу также хорошо, как Такеру.

Она всегда вела себя как взрослая, и никому не удавалось до конца понять ее, однако даже ее можно было задеть.

На самом деле Икаруга была еще более неуклюжей, чем Усаги, не умела толком показывать

свою печаль или одиночество. Возможно, виной тому окружение, в котором она выросла, но Икаруга никогда не показывала свою печаль в открытую.

Поэтому замечали подобное только те, кто знал ее долгое время. Когда Усаги увидела дрожащую руку Икаруги, она, наконец, поняла, почему Нагарэ усадила их именно так.

«Ясно. Сейчас это под силу только мне», — подумала девушка и без колебаний сжала руку подруги.

— ...

Она не могла сказать «всё в порядке». Потому что ничего в порядке не было.

Поэтому она просто молча взяла Икаругу за руку.

— Усаги... — едва слышно проговорила та, — Спасибо...

Усаги сжала губы, фыркнула и кивнула.

Икаруга придвинулась ближе и оперлась на плечо подруги.

«Я буду держать ее за руку, пока не доберемся до места», — решила Усаги, наблюдая за шумной перебранкой на сиденье впереди.

— ...ка.

— ...

— Ока, ты меня слышишь?

— А?! Такеру? В чем дело?

Когда Мари с Нагарэ наконец успокоились, Такеру заметил, что Ока о чем-то задумалась, и решил поговорить с ней, однако хоть какого-то ответа добился только через минуту.

— Я раз десять пытался до тебя дозваться, но ты меня даже не слышала.

— Вот как? Прости, увлеклась. На мотоцикле-то я часто ездила, а вот машину давно не водила,
— попыталась отговориться Ока, но Такеру было не обмануть.

— Все-таки устала? Пусть лучше за руль сядет кто-нибудь другой...

— Все со мной в порядке, сказала же. Или тебе не нравится, как я машину веду? Тебя укачало?

— Ничего такого... Просто тебя как будто что-то беспокоит с тех пор, как мы вышли из туннеля.

Поначалу Такеру решил, что она просто не знает, что делать после свершения мести, но потом понял, что ошибся.

Ока тяжело вздохнула — видимо, он попал в точку.

— Я правда обеспокоена, но не подавлена. Просто не думаю, что всё кончено.

— Ты про Хохотунью? — уточнил юноша.

Девушка легонько кивнула:

— Я... уверена, что это еще не конец.

— В каком смысле?

— Хохотунья... Мимулюс Валленштейн сказала, что сбежала от Инквизиции. Мой отец, Кадзума Минэсиро, однажды задержал ее. Однако спустя почти девять лет она сбежала во время перевозки и убила мою семью. Странно это, если подумать... У нее ведь А-класс опасности, перевозить ее должны были под строгим наблюдением.

Ведьму А-класса опасности на время перевозки должны были поместить в железную деву. Столь опасная преступница просто не сумела бы вырваться на свободу своими силами. К тому же Хохотунья вела себя странно.

— Хочешь сказать, у нее был сообщник?

— Скорее всего. Впрочем, я прошерстила все, что только можно было, но никаких записей о ее побеге не нашла. — Ока замолчала и резко прищурилась. — Меня беспокоит то, что во время ее побега не пострадал ни один инквизитор. Класс А причисляют тем преступникам, кто жить без убийств не может. Я с ней сражалась, так что знаю... Тогда она убила бы всех, будь у нее такая возможность.

— Значит...

Ока стиснула руль.

— Я считаю, что Инквизиция позволила ей сбежать. На поле боя я встретила знакомого моего отца... Он рассказал, что тот был помехой для Инквизиции. Так что она вполне могла использовать Хохотунью, чтобы избавиться от моего отца и его семьи.

Такеру сглотнул. Только один человек способен на такое. И он не побрезгует любыми методами, чтобы скрыть правду.

— Доказательств у меня нет. Нужно расследовать.

После этих слов все сомнения у Такеру исчезли.

— Я помогу. Если это правда, нельзя позволить ему уйти безнаказанным.

— Спасибо... Но отложим это, пока все не уляжется.

Неожиданный ответ сбил юношу с толку.

— Моя месть окончена. Я свершила ее вместе с тобой и больше не хочу идти на поводу у ненависти.

— Но...

— Сейчас я хочу сражаться с врагами как часть взвода. Хочу защитить товарищей и спасти твою сестру.

— ...

— Моя месть окончена, Такеру.

Радости на лице Оки не было и в помине. То было лицо человека обремененного, опустошенного. Однако и облегчение в нем тоже читалось.

Такеру мог гордиться тем, что помог ей обрести это спокойствие. Это доказывало, что он действительно разделил с ней одно бремя.

— Понятно, — едва заметно улыбнулся юноша и поднял голову.

— Лучше о себе побеспокойся. Ты ведь сейчас сильнее всех томишься от ожидания.

— ...

— Я же вижу, что ты места себе не находишь от беспокойства за Кисэки, хоть и не подаешь виду, чтобы не волновать остальных.

— Ну... Я совру, если скажу, что не волнуюсь.

Ему хотелось сейчас же рвануть туда, где находилась сестра, и спасти ее.

Нагарэ уже рассказала, где сейчас находится Кисэки. По ее словам девушку отправили в Первую лабораторию алхимиков, чтобы ставить над ней эксперименты. Такеру понятия не имел, как там обращаются с его сестрой, но в одном был уверен: она страдает как никто другой.

После того, как алхимики присоединились к Инквизиции, лабораторию, скорее всего, стали охранять куда как лучше. Проникнуть туда будет намного, намного сложнее, чем в Пятую. Нападение на Первую лабораторию сродни атаке на штаб Инквизиции — такая же безрассудная и невыполнимая затея.

Сейчас их маленький отряд размажут еще на подходе. Первым делом нужно добраться до базы сопротивления и собрать силы.

— Твоя забота о подчиненных достойна уважения. На мой взгляд, ты куда благороднее кого-то вроде меня, кто позволила ненависти завладеть собой и тем самым подставила товарищей под удар. Но... — добавила Ока и уже чуть смущенно продолжила, — если что, м-можешь пожаловаться мне. Ты же... ну... согласился разделить со мной все заботы, так что я тоже... хочу что-нибудь сделать для тебя.

Ее смущение передалось и Такеру.

— Кажется, ты что-то такое уже говорила, когда мы сидели в изоляторе. Как же давно это было... — попытался сменить он тему, как вдруг кто-то потянул его за одежду.

Юноша опустил голову и увидел, что Ляпис, не отрывая взгляда от окна, сжимает его куртку. Напоминающие стеклянные бусины глаза девочки были непривычно широко для нее распахнуты, в них отражался пролетающий снаружи пейзаж.

— Что такое, Ляпис?

Девочка ответила не сразу. Выдохнув облачко белого пара, она вновь крепко сжала пуховик

Такеру.

— Снег...

С затянутого тучами неба на землю, кружась в своеобразном танце, медленно опускались белые хлопья. Снег укутал уже все поля и деревья.

— Ого, и правда. Значит, мы уже на севере? Пейзаж так резко изменился...

Такеру придвинулся к Ляпис поближе и принялся вместе с ней наслаждаться видом.

На календаре был уже февраль, но зима пока и не думала заканчиваться. Страны как таковой больше не существовало, но разделение на префектуры и их старые названия остались. Сейчас ребята находились на севере префектуры Гумма. Раньше, чтобы увидеть снег, нужно было пересечь горную гряду Микуни и попасть в префектуру Ниигата, однако именно здесь произошло одно из сражений Охоты на ведьм, в результате чего несколько гор просто перестали существовать. Не сдерживаемые более горами снежные облака с Японского моря теперь доходили и до этой местности.

— Да, скорее всего. Но не уверена. У меня ощущение, что я уже видела этот пейзаж.

И в этом не было бы ничего удивительного. Ляпис вполне могла бывать здесь со своим предыдущим контрактором, Микото Кусанаги.

Девочка заворуженно смотрела на заснеженный пейзаж.

— Тебе нравится снег? — спросил Такеру.

— Не знаю. Ошибка, — негромко отозвалась Ляпис, прищурившись, и сильнее сжала его куртку.

Этим она почему-то напомнила юноше ребенка, которому приснился кошмар.

Нагарэ, без конца хрустя чипсами, с самодовольной ухмылкой слушала разговоры на переднем и заднем сиденьях. Ей как будто доставляло удовольствие то, что все идет так, как она задумала.

— Ребятки отлично ладят.

Нагарэ протянулся чипсы насупившейся Мари, которая сидела рядом, закинув ногу на ногу. Та непринужденно запустила руку в пакетик, достала небольшую пригоршню чипсов и отправила в рот.

— Мы, кажется, впервые разговариваем нормально. Тебе правда так сильно нравится наблюдать, как другие делают именно то, что ты ожидаешь? — не глядя на соседку поинтересовалась она, когда дожевала.

Нагарэ слизала с пальцев соль и озадаченно моргнула.

Мари наклонилась к ее уху и негромко, чтобы остальные не услышали, продолжила:

— Ты ведь специально всех так рассадил?

— О, а ты догадливая. Совершенно верно. Кусанаги-кун и Ока-тян прямолинейные и поэтому хорошо друг друга понимают. С проблемой Сугинами-тян и Канарии-тян посторонний не поможет, но Усаги-тян хотя бы поддержит подругу.

— А я что, лишняя?

— Нет, нет, что ты. Ты лучше всех во взводе понимаешь настроение. Вот и сейчас, пока твоя соперница стремительно сближается с Кусанаги-куном, ты просто сидишь и не вмешиваешься. Девушки ведь существа крайне ревнивые. Впечатляет, — похлопала ее по плечу Нагарэ.

— Ты напоминаешь мне этого прохвоста, директора академии. Для тебя люди тоже только пешки на шахматной доске. — Мари раздраженно цокнула языком.

— Ого, какая прямолинейность, — с преувеличенной радостью отозвалась собеседница. — Не знаю, похожа ли я на этого беловолосого монстра, но я действительно обожаю, когда люди поступают в соответствии с моими ожиданиями. И еще большее удовольствие мне приносит понимание того, что они продвигают дело в правильном — по моему мнению — направлении.

— ...

— Я родилась с психическим отклонением. Я не горевала, когда убили мою семью и друзей. И когда Мефисто перебила ученический совет тоже, просто подумала «ах, какая жалость» и все в таком духе, — спокойно пояснила Нагарэ.

Мари это признание застало врасплох. Девушка взглянула на соседку: та улыбалась как ни в чем не бывало, словно совсем не тяготилась своим отклонением.

— Я понимаю, что другие люди страдают и горюют. Просто не могу им сочувствовать.

Когда всех вокруг захлестнуло отчаяние, лишь она одна осталась счастлива. Она понимала, почему другие теряют надежду, но не могла испытать того же.

«Можно только гадать, насколько же ей одиноко», — мелькнула у Мари мысль.

— Раз я не могу сопереживать горю других, мне просто нужно сделать людей счастливыми и разделить с ними это счастье. В мире полно вещей, которым я не могу сопереживать, так что мне надо делать других счастливыми, иначе я останусь одна. Чувства одиночества я не испытываю, и меня очень радует, когда другие тоже не чувствуют себя одинокими.

Мари начинала понемногу понимать Нагарэ.

— И вот как-то так делать других счастливыми и начало приносить мне удовлетворение. Это супер весело, когда люди поступают именно так, как я спланировала, и в итоге становятся счастливыми. Я выбрала это целью своей жизни и сама не заметила, как стала тем, кем являюсь сейчас, — рассмеялась Нагарэ.

— И что? Хочешь сказать, нам ты помогаешь исключительно для самоудовлетворения? — Мари прищурилась.

— М-м, я ведь возглавляю сопротивление, так что это все не только для самоудовлетворения. Но на треть, может, ради него.

— Чего сопротивление добивается?

— Расскажу, если доберемся, — отозвалась Нагарэ.

«Как же она бесит», — подумала Мари.

Не похоже, что Нагарэ Хосидзиро возглавила сопротивление и помогла 35-му взводу просто по доброте душевной.

Ради самоудовлетворения. Чтобы удалить свою жажду... сделать всех счастливыми и создать счастливый мир. Ради этого она и подняла восстание.

«И это причина? — фыркнула Мари. — Она затеяла это просто для того, чтобы сопереживать другим людям?»

Если так, ей незачем возглавлять сопротивление. Это не миролюбивая организация. Это союз людей, которые пытаются изменить этот кровавый мир.

И главная проблема в том, что их цель неизвестна.

Инквизиция стремится искоренить магию и создать мир, в котором смогут спокойно жить обычные люди.

Вальгалла — распространить магию и сделать мир свободным местом для ведьм и колдунов.

А сопротивление? Чего с их помощью хочется добиться эта девушка?

— Вкусняшки, вкусняшки, хочу вкусняшек! — Нагарэ тем времени беспечно порылась в рюкзаке и выудила оттуда пакетик сладостей. — Держи, это тебе.

— ...

— Да не бойся, не отравлено. — Девушка вручила Мари плитку шоколада. При этом она не отрывала от соседки взгляда из-под чуть приподнятых век, отчего действие это казалось крайне подозрительным.

Мари все же взяла у нее шоколад и тут же откусила. Плитка с приятным хрустом сломалась.

— Ты хочешь знать нашу цель, это естественно. Ты больше всех во взводе остерегаешься внешнего мира.

— Хочешь сказать, я не вписываюсь? Ну, так и есть.

— Нет, нет, им нужна девочка вроде тебя. Но именно поэтому о нашей организации и об этом мире я расскажу только на базе.

После этих слов Мари нахмурилась.

— Потому что для вас правда может оказаться слишком шокирующей.

Европейское убежище, Восточное крыло Академии Магии.

Матушка и Ороты хотели уже запустить транспортное устройство, которое перенесло бы их к месту переговоров, как вдруг из мрака выступил Одержимый. Он всегда появлялся в самый неподходящий момент.

— Приве-е-ет! Куда это вы собрались?

Матушка и Ороты отнеслись к внезапному появлению некроманта совершенно спокойно. Однако за несколько мгновений до того, как колдун вышел из тени, мечник положил руку на рукоять меча.

Одержимый с лучезарной улыбкой подошел к ним.

— Чего тебе, извращуга?

— Мы тебя не звали. Исчезни.

— Ах, как вы на меня набросились-то... Но я уже привык и такое меня не возбуждает! — Одержимый развел руками. — Я ведь теперь на стороне Восточного крыла, вот и решил укрепить наши товарищеские узы. Мы же сражались на одной стороне в прошлой войне, помните? — он недовольно надул губы.

Ороты раздраженно взглянул на него.

— Как это ты предал кого-то, если никому и никогда предан не был? Всегда все только портишь. Во время Охоты на ведьм тоже так было, так что сгинь, — помахал он рукой, прогоняя некроманта.

Тот насупился. По их шутливому разговору могло показаться, что они прекрасно ладят, однако в глазах обоих мужчин не было и тени улыбки. Они терпеть друг друга не могли.

— О, ты меня отлично знаешь. Похрен мне на Восточное крыло, а от вашего лицемерия так тошно, что даже приятно. У меня мурашки от одной только мысли, что вы назовете меня союзником.

— Представь себе, взаимно.

— Но, но, но! В этот раз нам точно нужно быть вместе. Я, может, и не ваш союзник, но уж точно враг Согэцу Отори. — Некромант с раздраженным видом покачал пальцем. — Ведь какая у него цель? Уничтожить мир. А я этого вовсе не хочу, мне нужно отчаяние. Если все уничтожить, не будет отчаяния. Счастье должно уравнивать отчаяние! Если отчаяние станет для всех обычным делом, оно потеряет всю свою ценность! И тот, кто собирается нарушить этот баланс, точно мой враг, нет, преграда, помеха!.. — вскрикнул Одержимый и продолжил уже более спокойно. — Вы ведь на переговоры идете? Возьмите и меня. Я обязан там присутствовать, — с мягкой улыбкой попросил он, закончив свою пылкую речь.

Некромант определенно что-то затевал, но Ороты с Матушкой знали, что он, по крайней мере, не врет. И все же это не было причиной брать его с собой.

Ороти прищурился и запустил устройство перемещения. Когда оно загудело, Одержимый ловко скользнул внутрь и с довольной ухмылкой остановился между мечником и ведьмой.

— Гунгнир, давай убьем его? — со вздохом предложил Ороти, искоса взглянув на колдуна.

— Я не против, но ты лишь зря истратишь силы. Его невероятно трудно убить. Ты должен знать, что он самый неприятный противник во всем мире. Главное для нас — убрать нашу цель. Если понимаешь это, делай что хочешь.

— То есть помогать ты не хочешь?

— Да, не хочу.

Одержимый развел руки и по-братски обнял Ороти, на лице которого читалось величайшее отвращение, и оставшуюся бесстрастной Матушку.

— Сколько воспоминаний! Сто пятьдесят лет назад мы, два юнца, боролись за сердце одной женщины! Ах, этот любовный треугольник! Ах, горькие и все же приятные воспоминания о молодости!

— Ты вообще не изменился и не было между нами ничего такого!

— Носитель, не связывайся с ним. Просто игнорируй. Эх... Я по-прежнему не понимаю, почему Нахт выбрала его.

Их тела окутал свет. Когда устройство выпустило магическую силу, троица исчезла в резкой вспышке света.

<http://tl.rulate.ru/book/101721/3793484>